

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 264–272
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 264–272
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-264-272>, EDN: VAYBBG

Научная статья
УДК 061.23(470.44)|18/19|(=112.2)

Участие немецкого населения Саратовской губернии в благотворительной деятельности местного отделения Российского общества Красного Креста (1870-е гг. – начало XX в.)

М. Р. Слижевская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Слижевская Мария Романовна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, mariaslizhevskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0304-1225>, AuthorID: 1150460

Аннотация. В статье рассматривается не исследованная ранее благотворительная деятельность немцев Поволжья в рамках функционирования Саратовского отделения Российского общества Красного Креста. Особое внимание уделяется характеристике благотворительности местного немецкого населения уездных городов и селений. Констатируется, что виды и формы немецкой благотворительной деятельности не отличались от тех, что были присущи остальному населению губернии. Наибольший отклик, однако, в немецкой среде Саратовского Поволжья вызывали вопросы помощи голодающим и пострадавшим от разного рода стихийных бедствий и трагедий, а также воинам Российской империи.

Ключевые слова: благотворительность, Российское общество Красного Креста, Саратовская губерния, немцы Поволжья, социальная помощь

Для цитирования: Слижевская М. Р. Участие немецкого населения Саратовской губернии в благотворительной деятельности местного отделения Российского общества Красного Креста (1870-е гг. – начало XX в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 264–272. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-264-272>, EDN: VAYBBG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Participation of the German population of Saratov Province in the charitable activities of the local branch of the Russian Red Cross Society (1870s – early XX century)

M. R. Slizhevskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria R. Slizhevskaya, mariaslizhevskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0304-1225>, AuthorID: 1150460

Abstract. The article deals with the problem of previously unexplored charitable activities of the Volga Germans within the framework of the functioning of the Saratov branch of the Russian Red Cross Society. Particular attention is paid to the characterisation of the charity of the local German population of the county towns and villages. It is stated that the types and forms of German charitable activity did not differ from those inherent in the rest of the population of the province. The greatest response, however, in the German environment of the Saratov Volga region were the issues of assistance to the starving and victims of various natural disasters and tragedies, as well as to the soldiers of the Russian Empire.

Keywords: charity, Russian Red Cross Society, Saratov Province, Germans of the Volga region, social assistance

For citation: Slizhevskaya M. R. Participation of the German population of Saratov Province in the charitable activities of the local branch of the Russian Red Cross Society (1870s – early XX century). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 264–272 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-264-272>, EDN: VAYBBG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Известно, что общество Красного Креста возникло в Российской империи в мае 1867 г. Сразу после ратификации Первой Женевской конвенции (1864) – документа, заложившего

основы для создания норм международного гуманитарного права – император Александр II утвердил устав Общества попечения о раненых и больных воинах, впоследствии оказавшего

ся под покровительством императрицы Марии Александровны. В 1879 г. Общество попечения о раненых и больных воинах было переименовано в «Российское общество Красного Креста» (РОКК) [1].

Главной целью существования РОКК являлось предотвращение и облегчение человеческих страданий в военное и мирное время. В первостепенные задачи благотворительной организации входили: оказание помощи военнослужащим, а также местному населению во время войн и стихийных бедствий, подготовка санитарного персонала для работы в военное время, организация лазаретов и госпиталей, сбор пожертвований, материальная помощь нуждающимся и т. д. Высочайшими покровителями Российского общества Красного Креста становились многие императорские особы, а свою деятельность данная организация осуществляла преимущественно на собранные пожертвования, проценты с банковских счетов и членские взносы.

К концу XIX столетия Российское общество Красного Креста представляло собой широкоразветвленную сеть из ряда местных учреждений в губернских городах. Саратовское местное отделение на тот момент Общества попечения о раненых и больных воинах было учреждено в октябре 1868 г. Руководство им осуществлялось Главным управлением, располагавшимся в Санкт-Петербурге, местными общим собранием и управлением, также дамским комитетом [2]. В разные годы различные комитеты Саратовского отделения РОКК функционировали во всех уездах губернии. Их благотворительная деятельность также была напрямую связана с оказанием помощи раненым и больным воинам и всем пострадавшим от эпидемий или разного рода стихийных бедствий, оказавшимся в бедственном положении. Вместе с этим Саратовское отделение РОКК оказывало поддержку жителям и других губерний – например, соседних Самарской и Оренбургской [3; 4]. Вид и масштабы предоставляемой Саратовским отделением РОКК поддержки страждущим, как правило, заключались в осуществлении сбора разного рода материальных пожертвований (чаще всего – денежных), инициативе оказания того или иного вида помощи на местах, открытии в уездных городах или поселениях «питательных» учреждений – льготных столовых, чайных.

Естественным образом в благотворительную деятельность Саратовского отделения РОКК вовлекалось местное христианское население. Исполняя таким образом одну из основных христианских заповедей («возлюби ближнего твоего, как самого себя» [5, с. 29]), губернские дворяне, купцы, мещане, представители «свободных профессий» и крестьяне вносили свой вклад в развитие благотворительности в рамках РОКК. В целом ряде случаев наряду с ними активное участие в этом деле принимало и местное

немецкое население Саратовской губернии, чему и посвящена данная статья.

Следует отметить, что в целом деятельность Саратовского отделения Российского общества Красного Креста крайне слабо представлена в историографии. Отдельные упоминания о ней в исследуемый период встречаются в работах, посвященных общим вопросам истории организации, в частности, деятельности в период борьбы РОКК с голодом в европейской части России в 1897–1898 гг., организаций в Поволжье лазаретов и госпиталей в 1877–1878 гг. и др. [6; 7].

Отчасти деятельность Саратовского отделения РОКК затрагивалась волгоградскими авторами, изучавшими разные аспекты работы Царицынского комитета РОКК (например, в годы Первой мировой войны, отражение осуществляющей им благотворительности в периодической печати и др.). Изредка в этих трудах обнаруживаются сведения о благотворительных усилиях царицынских немцев. Например, в статье А. В. Морозова, В. В. Скворцова и Т. А. Мухтарова, посвященной деятельности общества Красного Креста в Царицыне на рубеже XIX–XX столетий, упоминается местный главноуполномоченный Общества – Рихгер [1, с. 53]. Но какого-либо специального исследования, посвященного благотворительной деятельности немецкого губернского населения в рамках инициатив Российской Общества Красного Креста не было обнаружено.

Представляется очевидным, что осуществление благотворительной деятельности могло помогать представителям немецкого населения Саратовской губернии стать частью инородной для них социокультурной среды. Проживавшие как в уездных городах, так и в сельской местности, немцы Саратовского Поволжья довольно активно стремились оказать посильную помощь тем, кто в ней нуждался, включая пострадавших от разного рода стихийных бедствий, а также больным и раненым воинам Российской империи, в разные годы сражавшимся на фронтах за интересы Российской государства. На протяжении всех лет существования Саратовского отделения РОКК городские немцы, как мужчины, так и женщины, нередко вступали в ряды его действительных членов и членов-соревнователей¹.

Наибольший отклик в среде немецкого населения Саратовской губернии, как правило, находил вопрос о помощи голодающим. Одним из таких случаев стал голод в соседней Самарской губернии, ставший следствием засухи и неурожая хлебов, имевших место в 1871–1873 гг. Хорошо знакомые с невзгодами, периодически выпадавшими на долю сельского населения после неурожаев, немцы Саратовской губернии живо откликались на эту беду. Так, например, Терсинская контора Вольского уезда и ее немецкие служащие в ходе сбора денежных пожертвований в пользу пострадавших

от неурожая участливо заявляли: «Зная, как соседи, состояние жителей Самарской губернии, и немогших от неурожая нескольких городов сряду и ведая сами хозяйство, по опыту представляем, что такие неурожаи сильно подорвут сельское хозяйство в этом одном из плодороднейших краев нашего русского государства...» [3, л. 66].

Сбор денежных пожертвований для пострадавших от неурожая хлебов в 1871–1873 гг. осуществляли как непосредственно жители уездных городов губерний, так и разные городские сообщества. Согласно спискам и сведениям о внесенных пожертвованиях, Саратовское отделение РОКК собрало 18 666 рублей и 2 копейки. Вклад немецкого населения составил 397 рубля и 63 копейки (2,13%) [3, л. 1–76]. Для наиболее наглядного представления размера пожертвования здесь и далее уместным представляется в качестве эквивалента отметить, что в Саратовской губернии цена за пуд ржи (цена на которую только росла из года в год в зависимости от количества урожая) в 1870 г. составляла 51–56 копеек, в 1878 г. – 67 копеек, в 1880 г. – 85 копеек – 1 рубль [8, с. 25].

Отдельным видом помощи стала транспортировка сухарей и прочего продовольствия из Санкт-Петербурга в Самару. Саратов стал при этом промежуточным пунктом переправки, где предполагалось создать специальный склад для приема и хранения продуктов и предметов, высланных из столицы.

Оказать помощь в обустройстве специального склада в городе изъявили свою готовность несколько мещан, среди которых отметил Густав Егорович Паленберг, который предоставил местному комитету полезные сведения и указания. Паленберг вошел в состав комиссии, собранной Главным управлением с целью «должной организации распоряжения собранными средствами и наблюдения за ними» [3, л. 116]. Впоследствии в качестве одобрения за проделанную работу Паленберг получил предложение стать членом Санкт-Петербургского комитета для помощи голодающим Самарской губернии [3, л. 119]. Заявляя о своей готовности реализовывать доставку пожертвований из Саратова в Самару через свою контору, Г. Е. Паленберг также изъялял желание вступить в члены Общества попечения о раненых и больных воинах по Саратовскому округу [3, л. 127].

Самостоятельно разработанный план, предполагавший возможность прокормить всех голодающих Самарской губернии при сравнительно малых затратах на его реализацию и в то же время с «наибольшей питательностью», предложил местному отделению Общества попечения о раненых и больных воинах житель Саратова Франц Иванович фон Штейн [3, л. 74]. Он предлагал выдавать ежедневно одному человеку по 1 фунту

сухарей с четвертью свиного сала (или солонины), либо осьмушку² постного мяса. Свиное сало нужно было отваривать в воде (или в водке) с последующим добавлением к нему сухарей, обязательно изготовленных из немецкого хлеба. Вместе с этим сам Франц Иванович фон Штейн пожертвовал в пользу голодающих Самарской губернии восемь кулей ржаных сухарей и рыбные консервы [3, л. 81].

Последующие голодные 1891–1892-е гг., затронувшие в том числе и Саратовскую губернию, вызвали не менее заметную ответную реакцию в среде немецких горожан. Так, когда 18 октября 1891 г. на собрании жителей Царицына в помещении Городской думы был организован местный комитет для оказания помощи голодающим [9, л. 1–2], то среди вошедших в его состав местного оказался Виктор Петрович Шперлинг. Вместе с купцом Плотниковым, пожертвовавшим «обстановку» для организации в первой части города бесплатной столовой, предполагавшей размещение внутри ста человек, В. П. Шперлинг в свою очередь пожертвовал отопление. В ноябре того же 1891 г. для освещения данной столовой Нобель и Шибаев пожертвовали керосин [9, л. 56]. Царицынские немцы вместе с другими жителями города снабжали столовую рыбными продуктами (кули с сущеной воблой и сазаном, бочонки судаков) [9, л. 66].

В. П. Шперлинг беспокоился об эффективности работы бесплатной столовой и адресности оказываемой ею помощи. Излагая своё мнение об этом, он заявил о необходимости пускать в нее посетителей исключительно с удостоверением нуждающихся, так как распространявшиеся по городу слухи способствовали притоку в столовую большого количества авантюристов, желающих «легче кормиться» [9, л. 68]. В то же время купец предлагал инициировать любого рода общественные или какие-либо другие работы с целью противодействия тунеядству в среде местного населения (в качестве примера Шперлинг предлагал занять «сотни свободных рук» на организованной каменоломне за пределами Царицына) [9, л. 68].

В результате с разных лиц и учреждений Царицына за период с 23 ноября 1891 г. по 1 мая 1892 г. председателем городского отделения Красного Креста были собраны денежные пожертвования в размере 140 810 рублей. Доля, внесенная немецким населением, от обозначенной суммы составила 809 рублей (0,57%) [9, л. 135–136]. Следует отметить, что доля немецкого населения Царицына составляла, согласно проведенной в 1897 г. первой всеобщей переписи населения Российской империи, около 2,38%. В Саратове же немцев проживало около 5,35%, в Вольске – 2,22%, в Камышине – 11,05% [10, с. 76–77].

Наиболее крупные пожертвования поступили от Сарепты – некогда колонии гернгутеров,

располагавшейся близ Царицына. В частности, 170 рублей, вырученные с продажи изделий дамского рукоделия, пожертвовал попечитель Сарепты А. Кноблох, 200 рублей поступило от Сарептского общества, 100 рублей – от одного из основателей горчичной промышленности в Сарепте, И. К. Глича [9, л. 136].

Кроме того, на благотворительность шли средства от продажи на базаре предметов рукоделия немецких жительниц Дубовки. Также они занимались наблюдением за порядком в детской столовой для сирот, работавшей в посаде [9, л. 127]. Служащие царицынского отделения Государственного банка заявили о своем решении отчислять ежемесечно по одному проценту с получаемого ими жалования в пользу голодающего населения. Среди жертвователей служащих Государственного банка Царицына отметились и немцы: Б. Мерт, Ф. Батт, С. Гильдебрандт, М. Мискер, Б. Ф. Земан, Вебер, М. Детмар, Б. Герц [9, л. 2].

В Саратове в 1892 г. известный предприниматель и землевладелец Эммануил Иванович Борель пожертвовал 40 рублей на содержание бесплатной столовой в селе Топовка. В распоряжение Топовского отделения попечительства Красного Креста им же были переданы также 100 пудов ржи, 13 пудов мяса и 50 пудов капусты [11, л. 88].

Последующие голодные 1897–1898 гг., вполне сравнимые по масштабу бедствия с предыдущими 1891–1892 гг., также вызвали активизацию помощи немецкого населения уездных городов Саратовской губернии. Как и ранее, в пользу голодающих вместе с остальными горожанами немецкое население осуществляло денежные пожертвования. Так, например, согласно двадцати восьми подписным листам по сбору финансовых средств, выданных Саратовским отделением РОКК в октябре 1898 г., немцы губернии суммарно внесли 4 рубля и 6 копеек от общей суммы в размере 194 рубля и 58 копеек (что составило 2,36%) [12, л. 1–58]. Царицынский городской комитет помощи голодающим теперь уже под председательством вышеупомянутого В. П. Шперлинга вновь открыл дешевую столовую и больницу для тифозных, средства на содержание которых поступали от городских обывателей [12, л. 135].

Выражая благодарность наиболее участливым благотворителям, Саратовское отделение РОКК отметило тогда ряд жителей губернии, которые осуществили наибольшие денежные и материальные пожертвования и вовремя оказали необходимую помощь нуждающимся категориям населения. Вместе с землевладелицей М. В. Катковой, пожертвовавшей 1000 рублей среди них были О. А. Праве, внесший 212 рублей и 30 копеек, а также Д. Б. Зейферт, изъявивший желание принять на свой счет содержание десяти нуждающихся из деревни Трегубовки в течение четырех

месяцев, а также А. Э. Кан, устроивший за свой счет столовую для учеников Хлебновского училища [12, л. 94].

В голодные 1906–1907 гг. Саратовское отделение Российского общества Красного Креста организовывало преимущественно врачебно-питательную помощь всем пострадавшим от неурожая. Главное управление РОКК полагало, что данный вид помощи, включавший в себя выдачу продовольствия, является наиболее эффективным (что не исключало, однако, открытия сбора пожертвований) [13, л. 14]. Поэтому в Саратовском, Балашовском, Петровском, Сердобском и Хвалынском уездах сосредоточились на обустройстве столовых и пунктов выдачи печеного хлеба. В осуществлении всех этих мероприятий отмечалось и участие этнических немцев. Так, немки из числа сестер милосердия Андреевской общины³ были командированы в ряд уездных пунктов для организации столовых и надлежащего ухода за больными⁴ [14, л. 8, 15].

Следует отметить, что немецкое население городов Саратовской губернии также не осталось в стороне и по отношению к вопросам, напрямую связанным с военными конфликтами, в которые в разные годы оказывалась вовлеченней Российской империя. Ими не осталась незамеченной Русско-турецкая война 1877–1878 гг., во время которой Саратовское отделение РОКК занималось обустройством лазаретов и приемных покоев для больных и раненых воинов и в то же время приглашало осуществлять денежные и вещевые пожертвования, рассчитывая на отклик широких слоев населения Саратовской губернии. Так, о своем согласии отправлять медикаменты для солдат, находящихся в Саратовском приемном покое, говорил председателю Саратовского отделения Общества попечения о больных и раненых воинах в октябре 1877 г. аптекарь В. Геймбергер из Ильинской больницы, заявляя, что намерен осуществлять это «в протяжении всего времени существования по 10 копеек» [15, л. 137]. Тогда же попечительница лазарета Ольга Карловна Рейтерн изъявила желание жертвовать по 10 рублей ежемесечно на предмет снабжения воинов при их выпуске из лазаретов теплой одеждой и другими вещами. Вместе с этим на ее собственные средства было изготовлено до 100 теплых (на вате и шерсти) курток. В числе жертвователей среди персонала 1-го лазарета средств на теплую одежду и другие вещи первой необходимости в пользу больных и раненых воинов оказался фармацевт Шнейдер, внесший 5 рублей [15, л. 180–181].

В годы Русско-японской войны (1904–1905) представители немецкого населения Саратовской губернии находились в числе персонала Саратовского санитарного отряда, оказывавшего медицинскую помощь раненым воинам на Дальнем Востоке. Некоторые из них были удостоены

наград. Серебряную медаль «За усердие» для ношения на грудь получили санитары К. Мауль и Андрей Вальцер [16, л. 2]. В годы масштабной Первой мировой войны представители местного немецкого населения становились служащими созданных в Саратовской и Самарской губерниях лазаретов. В Саратовской губернии из функционировавших на ее территории 15 лазаретов немцы служили в 11, исполняя обязанности врачей, сестер милосердия, санитаров, фельдшеров, хозяйственных служащих и делопроизводителей [17, л. 1–12].

Не оставалось равнодушным немецкое население и к жертвам других бедствий и трагедий, которым предлагало свою помощь Российское общество Красного Креста. Так, немцы Саратовской губернии откликнулись на приглашение осуществить денежные пожертвования в пользу пострадавших от сильнейшего пожара весной 1879 г. в Оренбурге: от редакции газеты «Саратовский дневник» в местное управление РОКК поступили денежные пожертвования в размере 51 рубль, 3 из которых пожертвовал В. Ф. Линнерман [18, л. 4]. В 1893 г. саратовские немцы вносили пожертвования в пользу семейств погибших моряков на броненосце «Русалка». Вслед за заявлением саратовского губернатора Б. Б. Мещерского об открытии сбора пожертвований в Саратовское отделение РОКК стали поступать пожертвования от частных лиц, городов и сел губернии, а также денежные средства от увеселительных заведений и организации любительских спектаклей. Пожертвования немецких жителей составили 202 рубля и 92 копейки (14,95%) от общей суммы в размере 1357 рублей и 60 копеек [19, л. 13–220].

В 1897 г., в ходе интенсивной переселенческой кампании для освоения Западной Сибири, Отделение РОКК в Саратовской губернии подняло вопрос о сборе средств на усиление врачебной помощи переселенцам. В Вольске в числе двух пожертвователей, выделивших деньги на устройство врачебных и питательных пунктов Красного Креста, оказался городской купец Карл Эрнестович Гильдебрандт [20, л. 13]. В Хвалынске к пожертвованиям присоединился В. В. Штиль, внесший 3 рубля из 10 рублей и 87 копеек, собранных хвалынским уездным исправником [20, л. 18].

Как уже было упомянуто, отдельной формой немецкой благотворительности в рамках деятельности Саратовского отделения РОКК стало стремление вступить в ряды медицинского персонала или прислуги в его лазареты. Так, за период с 1877 по 1878 гг. в Саратовское отделение поступили заявления от провизора В. Гонбера, желавшего вступить в число провизоров лазаретов города Саратова, К. А. Вейланда, просившего об определении к одному из устраиваемых в Саратове лазаретов Общества управляющим аптекой; за установленную плату желала вступить

в ряды служащих Саратовского лазарета Эмилия Оттовна Иванова [21, л. 2, 4, 90].

Нередко немки обучались на курсах сестер милосердия. 19 июня 1877 г. в Саратовском Приемном покое Общества попечения больных и раненых с оценкой «хорошо» была аттестована немка Бернекер [21, л. 109]. Ранее в Приемном покое г. Саратова, открытого «на горах», фельдшерскому мастерству, включающему в себя навыки приготовления лекарств, перевязки ран, приготовлению корпии⁵ и иных хирургических принадлежностей, а также навыки кровопускания, излечения зубов и прочего, обучалась вдова надворного советника Алисия Августовна Гельд, поступившая на обучение в 1873 г. [22, л. 47]. В 1875 г. при Приемном покое этому же обучалась Шарлотта Федоровна Бирфрейнд, а в 1897–1899 гг. была зачислена на курсы сестер милосердия и допущена к сдаче экзаменов дочь цехового Лидия Карловна Ландфанг [23, л. 175; 24, л. 1]. Саратовский приемный покой имени М. Н. Галкина-Брасского «на горах», созданный для обеспечения помощи и лечения очень бедного населения, безвозмездно посещали некоторые врачи. В 1875 г. среди них оказались Э. А. Бонвич и Рех [23, л. 165].

Проблемой того, что саратовское городское сообщество было мало и плохо знакомо с деятельностью Андреевской общины сестер милосердия, в свое время особо обеспокоился казначей Саратовского отделения РОКК Петр Петрович Вюртц. Он подметил это на одном из общих собраний отделения. П. П. Вюртц предложил ознакомить саратовские общества с деятельностью местной общины путем осуществления публикаций в местных газетах и через сотрудничество со всеми медицинскими учреждениями. Такое ознакомление предполагало приглашение для ухода за больными сестер милосердия Андреевской общины [25, л. 25]. Данное предложение П. П. Вюртца было принято к выполнению.

Также, кроме врачей, в благотворительности Саратовского отделения Российского общества Красного Креста наиболее часто были задействованы немецкие представители местного аптекарского дела (со слов одного из жителей города, аптеки Саратова вовсе были монополизированы немцами) [26, с. 15]. Саратовский провизор Иван Иванович Шмидт отпускал даром приемному покою медикаменты по мере их необходимости. Кроме того, И. И. Шмидт обустроил в покоях безвозмездную аптеку, отпустив бесплатно до 200 экземпляров разных медикаментов [23, л. 43]. В голодные 1891–1892 гг. царицынский аптекарь Кольман изъявлял согласие отпускать лекарства за полцены [9, л. 5].

К участию в благотворительной деятельности Саратовского отделения Российского общества Красного Креста старались привлечь не только немцев-горожан, но и жителей многочисленных немецких поселений губернии. 15 ок-

тября 1875 г. Главное управление Общества попечения о больных и раненых воинах циркулярно просило Саратовское местное управление распространить приложенную брошюру между «колонистами» Саратовской и Самарской губерний с целью ознакомления их с миссией существования данного общества и его действиями. Предполагалось, что после ознакомления с текстом брошюры поселяне-собственники губерний также начнут принимать участие в его деятельности. Главным управлением было выдано Саратовскому уезду – 40 экземпляров брошюр, Аткарскому – 50, Камышинскому – 120, Николаевскому – 60, Новоузенскому – 40 [23, л. 104]. Сразу после выполнения данного Главным управлением указания от немецких селений начали поступать пожертвования в фонд Общества. От Саратовской губернии свои пожертвования внесли, в частности, селения Каменской и Олешинской волостей. Средняя сумма пожертвований от поселян-собственников составила 50 копеек [23, л. 273–279].

Важно отметить, однако, что еще до появления циркуляра от Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах ряд бывших колонистов был деятельно знаком с российской благотворительной организацией. В 1874 г. учитель немецкого языка из Лесно-Карамышского центрального русского училища Г. Бауэр обратился через управляющего Саратовской конторой иностранных поселенцев к М. Н. Галкину-Брасскому – на тот момент председателю Саратовского отделения Общества попечения о раненых и больных воинах – с предложением перевести на немецкий язык книгу К. Д. Ушинского «Детский мир и хрестоматия». Книга увидела свет в 1861 г. и сразу стала в России популярной, в особенности в педагогической среде. По замыслу К. Д. Ушинского, данная книга должна была способствовать возникновению в умах учеников систематического знания и «систематически развитых идей», а также облегчить труд педагога в ходе преподавания «отечественного» языка [27, с. 1–4]. Иными словами, труд «Детский мир и хрестоматия», содержащий в себе сведения из области естествознания, являлся пособием для преподавания русского языка, позволяющим развивать у учеников необходимые навыки мыслительной деятельности. «Не самое знание, а идея, развиваемая в уме дитяти усвоением того или другого знания – вот что должно составлять зерно, сердцевину, последнюю цель таких занятий», – сообщал на страницах предисловия Ушинский [27, с. 4].

Г. Бауэр был крайне недоволен уровнем преподавания русского языка в школах бывших немецких колоний, объясняя это тем, что русские педагоги не были в состоянии дать своим немецким ученикам объяснения на языке, понятном для них, так как плохо сами владели

немецким языком. По этой причине Бауэр решил приступить к переводу популярной книги К. Д. Ушинского, издать которую предполагалось с точным немецким переводом. Вырученные от продажи данного труда деньги Бауэр намеревался полностью пожертвовать Саратовскому отделению Общества попечения о больных и раненых. К первому письму было приложено переведенное на немецкий язык введение «Детского мира и хрестоматии» [22, л. 10–19; 27, с. 1–14]. В связи с этим педагог просил донести его предложение до сведения М. Н. Галкина-Брасского и уведомить его, если оно будет «достойно принятия».

Кроме того, Бауэру предстояло решить вопрос о разрешении издания переведенной на немецкий язык книги от наследников покойного к тому моменту Ушинского, которых представляла вдова педагога Н. С. Ушинская [22, л. 10–19]. Сперва к инициативе, высказанной сельским немецким учителем, Н. С. Ушинская отнеслась положительно, однако вскоре попросила о публикации перевода исключительно на немецком, так как, по ее мнению, указание вместе с ним оригинального текста могло пошатнуть материальное положение ее и ее детей. Подобный вариант не устроил Г. Бауэра [22, л. 94–107].

Педагог настаивал на издании немецкого перевода с обязательным воспроизведением русскоязычного текста рядом, так как именно в этом, по его мнению, крылась польза в преподавании русского языка в школах бывших колоний немецкими учителями, которые весьма «дурно произносили русские слова». В качестве компромисса Н. С. Ушинской была предложена половина от вырученной с продажи перевода прибыли, однако сторонам так и не удалось прийти к общему мнению [22, л. 99–107]. В конечном счете Ушинская отказалась от своих прежних слов и не позволила осуществить издание перевода «Детского мира и хрестоматии» даже без указания оригинального текста, отметив, что перевод Бауэра без уведомления ее об этом вовсе являлся посягательством на права наследников К. Д. Ушинского [22, л. 175–176]. Саратовское отделение Общества попечения о раненых и больных воинах попыталось переубедить вдову педагога, обозначая цель перевода Г. Бауэра исключительно как патриотическую инициативу: Бауэр желал лишь сделать более доступной для проживающего в России немецкого населения возможностьенным образом ознакомиться с русским языком [22, л. 179]. Несмотря на это, Н. С. Ушинская завершила переписку, все же не предоставив «решительного согласия» на перевод Бауэра [23, л. 61].

Так или иначе, Саратовское отделение РОКК довольно активно стремилось подключить насе- лений немецких поселений губернии к осуществлению благотворительной деятельности.

В октябре 1877 г., например, М. Н. Галкин-Брасский уведомлял Главное управление Российского Красного Креста о том, что на общем заседании членов местного отделения был заслушан их циркуляр, в котором было выражено желание помещать выздоравливающих раненых и больных воинов (не требующих более специальной медицинской помощи и нуждающихся только в хорошей пище и удовлетворительной гигиенической обстановке) в частные дома местных жителей [15, л. 53–54]. Ознакомившись с данным циркуляром, местное управление предложило пригласить помочь через уездных предводителей дворянства, городских голов, а также волостных правлений, имея при этом в виду и бывшие немецкие колонии и селение Сарепту, где «по условии жизни колонистов» хорошо могли быть размещены выздоравливающие [15, л. 53–54].

В № 201 газеты «Саратовские губернские ведомости» от 25 сентября 1877 г. был размещен список городских и сельских обществ, которые были с «полным радушием» готовы принять выздоравливающих воинов в своих домах. Обеспечить поддержку их восстановления изъявили жители волостей Саратовского, Петровского, Кузнецкого, Вольского, Аткарского, Сердобского и Камышинского уездов. Немецкие Илавлинская, Сосновская, Нижне-Добринская и Норкская волости Камышинского уезда были готовы принять свыше 87 человек [28, с. 1–2]. Нижне-Добринская и Норкская волости вовсе были готовы принять неограниченное число солдат в свои дома. «Саратовские губернские ведомости» в связи с этим подмечали следующее: «С удовольствием заносим этот отрадный факт в хронику Саратовской жизни – как новое доказательство сочувствия населения губернии к положению больных и раненых воинов» [28, с. 1–2].

Вслед за городскими жителями, жители немецких селений губернии также откликались на необходимость оказать поддержку голодающим в тяжелые голодные годы (трудности которых приходились в том числе и на них самих), однако в данном случае благотворительная деятельность в сельской местности принимала порой иной характер, не исключая, однако, при этом довольно частое осуществление денежных пожертвований; в свою очередь под эгидой Саратовского отделения РОКК в немецких селах также открывались местные комитеты и учреждения.

25 декабря 1891 г. в Царицыне на заседании уездного комитета местного отделения РОКК слушали вопрос об учреждении восемнадцати сельских попечительств и членов в их составе. Попечителем в немецком селении Олешня стал землевладелец Людвиг Яковлевич Вебер, попечителем в селении Сарепта – фабрикант А. И. Кноблох [9, л. 25]. Впоследствии Кноблохом на собственные средства была открыт ноч-

лежный приют с бесплатной столовой для всех нуждающихся без различия вероисповедания, посещали которую впоследствии русские, немцы, татары и калмыки [9, л. 117].

В 1891 г. местное попечительство РОКК было образовано в селении Гнилушка, на первом общем собрании членов которого было постановлено учредить в каждом селении Каменской волости подобное отделение, какое обязалось бы открыть «при себе» даровую кухню с 1 ноября текущего года [11, л. 17]. В члены главного попечительства Гнилушки вошли местные жители Брунгардт, Глассман, а также священник Габель, уже имевший опыт участия в сборе, приеме и распределении пожертвований для голодающих в попечительстве в Каменской волости [11, л. 6].

Открытие льготных столовых, в том числе и на территории немецких селений, стало частым явлением. Местное отделение РОКК субсидировало и способствовало устройству помещений для столовых и их первоначальные расходы в селениях Ней-Бальцер, Олешня, Вершинка и др. [11, л. 116]. Кроме того, в селениях открывались склады для продажи ржаной муки по льготным ценам. Один из таких складов был открыт в Таловке с дозволения попечительства в январе 1892 г. Данное учреждение оправдало свою благотворительную цель, что повлекло за собой открытие такого же склада для бедствующих граждан в с. Сосновка [11, л. 105]. Помощь в деле обустройства столовых зачастую оказывали местные священнослужители.

Даровые кухни впоследствии открылись в селениях Каменка, Россоши, Копенка, Поповка, Усть-Грязнуха, Иловля, Семеновка, Верхняя Добринка и др., жители которых продолжали осуществлять пожертвования в пользу голодающих [9, л. 116]. Суммы, собранные поселянами-собственниками, расходовались на выпечку хлеба и раздачу его голодным, а также на устройство и содержание столовых. В голодные 1906–1907 гг. бесплатные столовые открывались в селах Норка, Славнуха, Нейденгоф, Нижняя Добринка и др. [29, л. 17].

За свою благотворительную деятельность некоторые из поселенцев-собственников были представлены к награде. В 1902 г. учитель Ново-Скатовской Церковной Лютеранской школы Егор Давидович Дик, состоявший во главе Ягодно-Полянского попечительства Российского общества Красного Креста в 1898–1899 гг. и заведовавший в 1902 г. бесплатной столовой, «содействовавший с блестящей аккуратностью и усердием помочи голодающим», был удостоен ходатайства о присуждении ему почетного гражданства [30, л. 8].

Также жители немецких селений Саратовской губернии оказывали поддержку нуждающимся и в ряде других вопросов. В декабре

1877 г. поселяне-собственники Нижней Добринки пожертвовали два тюка весом 1 пуд и 31 фунт с вещами в пользу бедных жителей Черногории, позже к ним присоединились жители Верхней Кулалинки, пожертвовавшие два тюка с вещами, по одному пуду каждый [31, л. 109]. Перечень вещей был разнообразен: полушибки, подушки, шапки, брюки, сюртуки, одеяла, пиджаки, чулки, мотки ниток, сорочки и др.

Однако нередко поселяне-собственники Саратовской губернии и сами оказывались в числе нуждающихся. В голодные годы ряд жителей немецких поселений нередко просил Саратовское отделение РОКК оказать им помощь в связи с их тяжелой жизненной ситуацией. Материальные пособия требовались немецким старицам, вдовам, инвалидам, главам больших семейств, оставшимся в тяжелое время без работы, чернорабочим и нищим. Через уполномоченных Красного Креста Саратовское отделение выделяло им в определенном размере муку, сахар, хлеб, а также одежду [32, л. 87, 173–178]. Порой о выдаче денежных пособий ходатайствовали и жители уездных городов.

Итак, рассмотренная благотворительная деятельность немецкого населения Саратовской губернии в рамках функционирования местного отделения Российского общества Красного Креста была широко распространена как в среде горожан, так и в среде жителей бывших немецких колоний.

Представленная картина благотворительности поволжских немцев (включая также предложение перевода Г. Бауэром труда К. Д. Ушинского на немецкий язык, предложение Ф. И. фон Штейна особым способом прокормить всех голодающих губернии и др.), показывает, что ее характер и содержание в целом мало чем отличались от форм и средств благотворительности, присущих всему остальному губернскому населению, сопреживавшему «своему ближнему», и не претендовали на исключительность. Размеры денежных вкладов немцев также практически не отличались от величины финансовых пожертвований остальных жителей губернии.

Особый интерес, впрочем, представляет факт того, что в числе вопросов, вызывавших у немцев Поволжья особый отклик, была необходимость помочь больным и раненым воинам, сражавшимся за интересы Российской империи. Определенным образом данный факт свидетельствует о сформированности к рассматриваемому времени у немецкого населения Саратовской губернии устойчивых патриотических чувств.

Вместе с тем следует отметить, что благотворительная деятельность немецких городских и сельских жителей по большей части носила отличный друг от друга характер. Городские жители проявляли значительно большую инициативу, для некоторых из них (в особенности для

женщин; так, например, одной из уполномоченных местного отделения РОКК в Сердобске стала София Нейперт [33, л. 97]) благотворительность являлась в своем роде общественно значимой деятельностью, позволяющей стать полноценной частью социокультурной среды городов, внося свой вклад в ее развитие. Упоминания же о ярких благотворительных инициативах сельских жителей встречаются заметно реже. Вместе с этим любопытно отметить, что в ряде случаев немецкие благотворительные инициативы носили четко выраженный практический характер (деяния В. П. Шперлинга, Г. Бауэра, предложения П. П. Вюртца, Ф. И. фон Штейна).

Исходя из вышесказанного, следует, что благотворительная деятельность немецкого населения Саратовской губернии в рамках деятельности Российского общества Красного Креста выражала их позитивное отношение ко всему происходящему в государстве и в то же время являлась инструментом интеграции в инородную для них среду.

Примечания

¹ Члены-соревнователи – кандидаты-участники конкурса на звание действительного члена Саратовского отделения РОКК.

² Фунт – 453,5 г. Четверть – одна четвертая часть фунта, т. е. – 113 г; «осьмушка» – одна восьмая часть фунта, т. е. – 56,6 г.

³ Андреевская община сестер милосердия являлась одним из подразделений местного отделения Российского общества Красного Креста.

⁴ В 1907 г. Саратовская губерния пострадала в том числе и от эпидемии холеры. В свою очередь местная Губернская Управа активно подключала к мероприятиям по борьбе с распространением заболевания врачей, студентов-медиков, фельдшеров и фельдшиц, санитаров и также настаивала на крайне желательной командировке сестер милосердия.

⁵ Нашипанные из старой полотняной ткани нитки, употреблявшиеся ранее в качестве перевязочного материала вместо ваты.

Список литературы

1. Морозов А. В., Скворцов В. В., Мухтаров Т. А. Общество Красного Креста в Царицыне на рубеже XIX–XX столетий // Медицинская сестра. 2017. № 7. С. 53–55.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 427 (Саратовское местное управление Российского общества Красного Креста. 1868–1918). Оп. 1. Д. 1.
3. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 47.
5. Дмитриева Л. М., Костылева Т. А. Социальное служение в понимании основных христианских конфессий // Омский научный вестник. 2006. № 5 (39). С. 28–31.

6. Рогожина А. С. Красный Крест в событиях голода на территории европейской России 1897–1898 годов // История: факты и символы. 2018. № 2 (15). С. 52–57. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2018-15-2-52-57>
7. Шепелева А. Ю. Устройство лазаретов и госпиталей в Поволжье в русско-турецкую войну 1877–1878 // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 3 (1). С. 17–22.
8. Памятная книжка Саратовской губернии (саратовский календарь) на 1890 год. Саратов : Типография губернского правления, 1889. 176 с.
9. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 90.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб. : Типография С.-Петербургской Тюрьмы, 1904. 250 с.
11. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 86.
12. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 141.
13. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 207.
14. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 218.
15. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 29.
16. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 195.
17. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 264.
18. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 48.
19. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 122.
20. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 135.
21. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 24.
22. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 6.
23. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 7.
24. ГАСО. Ф. 622 (Попечительный Совет Саратовской Андреевской общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста). Оп. 1. Д. 26.
25. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 70.
26. Слизевская М. Р. Образ саратовского немца-предпринимателя рубежа XIX–XX вв. в литературном наследии И. Я. Славина // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2023. № 1 (13). С. 14–22. [https://doi.org/10.33466/2500-0063-2023-1\(13\)-14-22](https://doi.org/10.33466/2500-0063-2023-1(13)-14-22)
27. Ушинский К. Д. Детский мир и хрестоматия. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1861. 562 с.
28. Городская хроника // Саратовские губернские ведомости. 1877. 25 сентября. № 201. С. 1–4.
29. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 208.
30. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 164.
31. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 26.
32. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 87.
33. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 127.

Поступила в редакцию 01.12.2024; одобрена после рецензирования 12.12.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 01.12.2024; approved after reviewing 12.12.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025